

Борис Житков

Что я видел (отрывки)

Часть сборника
Большая хрестоматия для
начальной школы (сборник)

Борис Степанович Житков
Что я видел (отрывки)

Серия «Хрестоматии для начальной школы»
Серия «Большая хрестоматия для начальной школы»
Серия «Современная русская литература»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4235395
Большая хрестоматия для начальной школы: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56619-8

Аннотация

«Вот один раз приходит папа с работы и говорит маме:
– Пускай Почемучка уйдет из комнаты. Мне нужно тебе что-то сказать...»

Содержание

Железная дорога	4
Как меня называли	4
Про что мама с папой говорили	5
Как мама на меня рассердилась	6
Билет	7
Как собирались в дорогу	8
Вокзал	9
Какая платформа	10
Как я потерялся	11
Как я нашелся	12
Вагон	13
Собачка Инзол	14
Как мы поехали	15
Какая железная дорога	16
Как мы легли спать	17
Как ночью приехали на станцию	18
Как мы в вагоне умывались	19
Как автомобиль хотел обогнать наш поезд	20
Что значит желтый флаг	21
Как переехали через реку	22
Как нас светофор не пустил	23
Как один пассажир остался	24
Какие вагоны всякие бывают	25
Мы приехали	26
Как я увидел машиниста	27
Зоопарк	28
Как мы ездили в зоопарк	28
Как мы в зоопарк приехали	29
Пеликан	30
Орёл	31
Дикобраз	32
Как я катался на маленькой лошадке	33
Мишки	35
Зебра	36
Как мы завтракали	37
Как мы опять в зоопарк пошли	38
Слоны	39
Как слон купался	40
Как слон пьет	41
Какой мальчик Петя	42
Какие слоны умные	43

Борис Степанович Житков

Что я видел

(Отрывки)

Железная дорога

Как меня называли

Я был маленький и всех спрашивал: «Почему?» Мама скажет:

– Смотри, уже девять часов.

А я говорю:

– Почему?

Мне скажут:

– Иди спать.

А я опять говорю:

– Почему?

– Потому что поздно.

– А почему поздно?

– Потому что девять часов.

– А почему девять часов?

И меня за это называли Почемучкой. Меня все так называли, а по-настоящему меня зовут Алешей.

Про что мама с папой говорили

Вот один раз приходит папа с работы и говорит маме:

– Пускай Почемучка уйдет из комнаты. Мне нужно тебе что-то сказать.

Мама мне говорит:

– Почемучка, уйди в кухню, поиграй там с кошкой.

Я спрашиваю:

– Почему с кошкой?

Но папа взял меня за руку и вывел за дверь. Я не стал плакать, а то бы не услышал, что говорит папа. А папа говорил вот что:

– Сегодня я получил от мамы письмо. Она просит, чтобы ты с Алешей приехала к ней в Москву. А оттуда она с ним поедет в Киев. И там они пока будут жить. А когда мы устроимся на новом месте, то возьмем его от бабушки.

Мама отвечает:

– Я боюсь Почемучку везти, он кашляет. Вдруг по дороге совсем разболеется.

Тогда папа решил:

– Если он ни сегодня, ни завтра кашлять не будет, то, я думаю, можно его везти.

– А если он хоть раз кашляет, – говорит мама, – с ним нельзя ехать.

Я все слышал и боялся, что как-нибудь кашляну. Мне очень хотелось поехать далеко-далеко.

Как мама на меня рассердилась

До самого вечера я не кашлял. И когда спать ложился, не кашлял. А утром, когда встал, я вдруг закашлял. Мама слышала. Я подбежал к маме и стал кричать:

– Я больше не буду! Я больше не буду!

Мама говорит:

– Что ты кричишь? Чего ты не будешь?

Тогда я заплакал и сказал, что не буду кашлять.

Мама спрашивает:

– Почему это ты боишься кашлять? Даже плачешь?

Я ответил, что хочу ехать далеко-далеко, а мама сказала:

– Вот как! Ты, значит, все слышал, что мы с папой говорили? Фу, как нехорошо подслушивать! Такого гадкого мальчишку я все равно не возьму.

– Почему? – спросил я.

– А потому, что гадкий. Вот и все.

Мама ушла в кухню и стала готовить обед. Она закрыла дверь и ничего не слышала. А я ее все просил:

– Возьми меня! Возьми меня!

Но мама не отвечала. Она рассердилась окончательно. Теперь все пропало!

Билет

Когда утром папа уходил, он сказал маме:

– Так, значит, я сегодня еду в город брать билеты.

А мама говорит:

– Какие билеты? Один только билет нужен.

– Ах, да, – вспомнил папа, – совершенно верно: один билет. Для Почемучки не надо.

Когда я услышал, что для меня билета не берут, я заплакал и хотел побежать за папой, но папа быстро ушел и захлопнул дверь. Я стал стучать в нее кулаками. Тут вошла наша соседка – она толстая и сердитая – и говорит:

– Это еще что за безобразие?

Я побежал к маме. Бежал и очень плакал. А мама прогнала меня:

– Уходи прочь, гадкий мальчишка! Не люблю тех, кто подслушивает.

А вечером папа приехал из города и сразу меня спросил:

– Ну, как ты? Кашлял сегодня?

Я ответил, что ни разу. А мама сказала:

– Все равно – он гадкий мальчишка. Я таких не люблю.

Потом папа вынул из кармана спичечную коробку, а из коробки достал не спичку, а твердую бумажечку. Она была коричневая, с зеленой полоской, а на ней буквы всякие.

– Вот, – сказал папа, – билет! Я на стол кладу. Спрячь, чтобы потом не искать.

Билет был всего один. И я понял, что меня не возьмут.

И тогда я заявил:

– Ну, так я буду кашлять. И всегда буду кашлять и никогда не перестану.

А мама сказала:

– Ну что же, отдадим тебя в больницу. Там на тебя наденут халатик и никуда пускать не будут. Так и будешь жить, пока не перестанешь кашлять.

Как собирались в дорогу

А на другой день папа сказал мне:

– Ты больше никогда не будешь подслушивать?

Я спросил:

– А почему?

– А потому, что если не хотят, чтобы ты слышал, значит, тебе знать этого не надо.

И нечего обманывать, подглядывать и подслушивать. Гадость какая!

Встал и ногой топнул. Со всей силы, наверное. Мама прибежала, спрашивает:

– Что у вас тут?

А я к маме, уткнулся головой в юбку и закричал:

– Я не буду подслушивать!

Тут мама меня поцеловала и говорит:

– Ну, тогда мы сегодня едем. Можешь взять с собой игрушку. Выбери, какую.

Я спросил:

– А почему один билет?

– А потому, – сказал папа, – что маленьким билета не надо. Их так возят.

Я очень обрадовался и побежал рассказать всем, что я еду в Москву.

А с собой я взял мишку. Из него немножко сыпались опилки, но мама быстро его зашила и положила в чемодан. Папа вещи перетянул ремнями, потом посмотрел на часы и сказал:

– Ну что же, пора ехать. А то пока из нашего поселка доедем до города, а потом до вокзала...

Все соседи с нами прощались и приговаривали:

– Ну вот, поедешь далеко по железной дороге в поезде...

И смеялись:

– Смотри не вывались.

В город мы поехали на лошади. Ехали мы очень долго, и я заснул.

Вокзал

Я думал, что железная дорога как улица, только под ногами не земля и не камень, а железо, как на плите, гладкое-гладкое. И если упадешь из вагона, то о железо очень больно ударишься. И вокзала я никогда не видал.

Вокзал – это просто большой дом. Наверху часы. Папа говорит, что это самые верные часы в городе. А стрелки такие большие, и – папа сказал, – что на них даже птицы иногда садятся. Часы стеклянные, а внутри горит свет. Мы приехали к вокзалу вечером, а на часах все было видно.

У вокзала три двери, большие, как ворота. И много-много людей. Все входят и выходят. И несут, и везут чемоданы, сумки, коробки, и все очень торопятся.

А как только мы подъехали, какой-то человек в синей форме с жетоном на кителе подошел и взял наши вещи! Я хотел закричать «ой», но папа вдруг говорит ему:

– Носильщик, поезд на Москву, восьмой вагон.

Носильщик взял чемоданы и быстро повез их прямо к двери. Мама с корзиночкой еле успевала за ним. Там, в корзиночке, у нас еда в дорогу – колбаса, яблоки, и еще, я видел, мама конфеты положила.

Папа взял меня на руки и стал догонять маму. А народу было так много, что я потерял из виду и маму, и носильщика. Из дверей пошли вверх по лесенке, и вдруг оказались в большой-большой комнате. Пол в ней каменный и очень гладкий, а потолок так высоко, что ни один мальчик камень до него не добросит. И всюду круглые фонари. Очень светло и очень весело. Все очень блестит, и в зеленых кадках стоят деревья, почти до самого потолка. Они без веток, только наверху листья большие-большие и с зубчиками. А еще там стояли красные блестящие шкафчики. Папа объяснил мне, что в них хранятся вещи.

Какая платформа

Папа быстро пошел со мной туда, куда шли все с чемоданами и другими вещами. Я смотрел, где мама и носильщик, но их нигде не было. Потом мы прошли в дверь.

Я подумал, что мы вышли на улицу, но увидел сверху стеклянную крышу и понял, что это вокзал. Тут стояли вагоны гуськом, один за другим. Они друг с другом сцеплены – это и есть поезд. А впереди электровоз, который тянет все вагоны, а рядом с вагонами длинный пол.

Папа показал вперед:

– Вон на платформе стоит мама с носильщиком. Этот длинный пол и есть платформа. Мы пошли.

Вдруг мы слышим – сзади кричат:

– Поберегись! Поберегись!

Мы оглянулись, и я увидел: едет тележка, низенькая, на маленьких колесиках, на ней стоит человек, а тележка едет сама, как заводная. На ней вещи лежат. Носильщик положил сверху наши вещи, посмотрел на меня и на папу, засмеялся и сказал:

– Молодого человека тоже можно погрузить на эту тележку.

Взял меня под мышки и посадил на нее, на какой-то узел. Папа крикнул мне:

– Ну, держись покрепче!

Тележка поехала, а мама закричала:

– Ах, что за глупости! Он может свалиться! – и побежала за нами.

Я боялся, что она догонит и снимет меня, а человек, который управлял тележкой, только покрикивал:

– Поберегись! Поберегись!

И тележка побежала так быстро, что куда там маме догнать!

Мы ехали мимо вагонов. Потом тележка остановилась. Тут подбежал носильщик, а за ним папа, и меня сняли.

У вагона в конце – маленькая дверка, и к ней ведут ступеньки, будто крылечко. А около двери стоял проводник с фонариком. На нем курточка с блестящими пуговицами, как у военных. Мама протянула ему билет.

Проводник осветил фонариком, чтобы рассмотреть мамин билет.

Как я потерялся

Вдруг, смотрю, по платформе идет женщина, и на цепочке у нее собака, черная, в завитушках, а на голове у собаки большой желтый бант, как у девочки. И собака только до половины кудрявая, а сзади гладкая, и на хвостике – кисточка из волосиков. Я спросил:

– Почему бантик?

И пошел за собакой. Только немножечко, самую капельку прошел. Вдруг слышу сзади:

– А ну, поберегись!

Не наш носильщик, а другой, прямо на меня катит тележку с чемоданами. Я побежал, чтобы он меня не раздавил. Тут много всяких людей пошло, меня совсем затолкали. Я побежал искать маму. А вагоны все точно такие, как наш. Я заплакал, а тут вдруг на весь вокзал – страшный голос:

– Поезд отправляется... – и еще что-то. Так громко, так страшно, будто великан говорит.

Я еще сильнее заплакал: сейчас поезд уйдет, и мама уедет! Вдруг ко мне подходит военный, в зеленой фуражке, наклонился и спрашивает:

– Ты чего плачешь? Потерялся? Маму потерял?

А я говорю, что мама сейчас уедет. Он взял меня за руку и успокоил:

– Пойдем, мы сейчас маму найдем.

И повел меня очень быстро по платформе. А потом взял на руки. Я закричал:

– Не надо меня забирать! Где моя мама? Я к маме хочу!

А он говорит:

– Ты не плачь. Мама сейчас придет.

И принес меня в комнату, где женщины с детьми: мальчики, девочки, которые в игрушки играют, и совсем маленькие на руках. Но моей мамы там не было. Военный посадил меня на диванчик, тут ко мне подбегает одна женщина и говорит:

– Мальчик, ты потерялся? Не плачь. Скажи: как тебя зовут?

– Я Почемучка. Меня Алешей зовут.

А военный сейчас же из комнаты убежал. Женщина меня успокаивает:

– Не плачь. Сейчас мама придет. Вон смотри, лошадка какая хорошенькая.

Как я нашелся

Вдруг я услышал, как на весь вокзал опять закричал этот великанский голос:

– Мальчик в белой матросской шапочке и синей курточке, Алеша Почемучка, находится в комнате матери и ребенка.

– Вот, слышишь? – спрашивает женщина. – Мама узнает, где ты, и сейчас придет.

Все девочки и мальчики вокруг меня стоят и смотрят, как я плачу. Но я уже не плачу.

Вдруг двери открываются и вбегает моя мама. Я как закричу:

– Мама!

А мама уже схватила меня в охапку. Женщина ей быстро открыла дверь и говорит:

– Не спешите, время еще есть.

Смотрю – и папа тоже прибежал. А мама благодарит:

– Хорошо, что по радио сказали. А то бы совсем голову потеряла. С ума можно сойти с этим мальчишкой!

Мама понесла меня прямо в вагон и сказала проводнику:

– Нашелся, нашелся...

Вагон

В вагоне – коридор длинный, но только узенький. Потом мама открыла дверь, только не так, как в комнате, когда надо тянуть на себя, а толкнула ее вбок, и она уехала. Мы вошли в комнату. Она купе называется. Мама посадила меня на диван. Напротив тоже диван, а под окошком столик, как полочка. Вдруг в окошко кто-то постучал. Я посмотрел, а там за окном папа. Смеется и мне пальцем грозит. Я встал ногами на диван, чтобы лучше видеть, а диван мягкий, на нем можно качаться, как на качелях. Мама не разрешила становиться ногами на диван и посадила меня на столик.

Собачка Инзол

Вдруг я услышал, что открывается дверь и кто-то входит. Оглянулся и вижу: это та самая женщина с собакой на цепочке. Я испугался и поджал ноги, а тетя сказала:

– Не бойся, она не укусит.

А я спросил:

– Почему?

– А, – сказала тетя, – ты, наверное, и есть тот Почемучка, который потерялся. Тебя зовут Алеша? Это про тебя по радио объявили? Конечно, это ты – в белой шапочке и в синей курточке.

Тут вошел еще дядя, не очень старенький, тоже с чемоданом. Собака на него зарычала. А ее хозяйка скомандовала:

– Инзол, тубо!

И собака начала дядю обнюхивать. А дядя свой чемоданчик положил наверх, на полочку. Полочка не дощатая, а из сетки, как будто от кровати для детей. Дядя сел и спрашивает:

– Вы едете или провожаете?

Тетя говорит:

– Еду.

– А собачка тоже с нами поедет? А этот мальчик ваш?

Тетя сказала, что собачка поедет и зовут ее Инзол, что моя мама сейчас придет, а меня зовут Алеша Почемучка.

– А, – говорит дядя, – так это ты от мамы убежал? А теперь, кажется, мама от тебя убежала. Ну что же, поедешь с этой тетей и со мной и с собачкой.

А я закричал:

– Не хочу!

Соскочил со столика и позвал:

– Мама!

Собачка залаяла.

Я побежал к двери, собачка тоже. В коридорчике какие-то чужие люди, смотрю, мама их всех расталкивает и бежит ко мне.

– Что случилось? Ты что скандалишь? Я ведь здесь, дурашка ты этакий!

Взяла меня на руки и говорит:

– Вон посмотри – папа. Сейчас поедем.

Как мы поехали

И вдруг вагон слегка дернуло.

– Ну вот, поехали, – сказал дядя.

А папа за окном что-то закричал, но ничего не было слышно. Он рот раскрывает, но ничего не слышно. Потом под полом что-то заурчало, а на платформе все поехали назад, на самом деле это мы поехали вперед. Все замахали руками и шапками. А папа побежал рядом с нашим окном и все время махал шапкой и что-то говорил. Мама попросила:

– Помахай папе ручкой.

Я стал махать, папа засмеялся. А мама все кивала папе:

– Хорошо! Хорошо!..

Хотя все равно ничего не слышала, что папа говорил. Тут мы поехали быстрее. Папа отстал, махнул еще раз шапкой и остался.

Какая железная дорога

Мы с мамой сели на диванчик, и я сказал:

– Это потому так гудит внизу, что наша дорога железная.

А дядя говорит:

– Ты думаешь, она, как доска, железная? Или железный пол? Нет, брат.

Я спрашиваю:

– Почему?

– А потому, что там лежат всего две железины – рельсы, гладкие, узкие и длинные-длинные. По ним наши колеса катятся, и вагончики бегут быстро-быстро.

Я опять:

– Почему?

Мама сказала:

– Не приставай к дяде.

А дядя говорит:

– А потому, что впереди электровоз тянет.

– Почему?

– А потому, что он работает на электричестве. Вот завтра, когда остановимся на станции, пойдем с тобой на электровоз посмотрим.

Я спросил:

– А если колесики соскочат?

– Куда? – говорит дядя.

– С этих...

– С рельсов? Бывает, соскакивают. Ух, тогда что выходит!

И он рассказал, как однажды вагон соскочил с рельсов и побежал не по железу, а прямо по земле. Машинист сразу поезд остановил. Мама попросила:

– Не рассказывайте, пожалуйста, ничего страшного: я спать не буду.

А дядя говорит:

– А ничего страшного и не было. Машинист остановил, вот и все.

Как мы легли спать

Потом дядя взял наш диван за спинку, за самый низ, и потянул. Я думал, что он ломает. А спинка загнулась вверх и стала, как полочка, над нашим диваном. А у нас внизу получился домик: сверху крыша. Зацепками он прицепил ее, чтобы она вниз не падала, потом залез наверх и говорит:

– Вот как славно! Хочешь ко мне? Давай руки.

Он меня схватил за руки и поднял. Там, наверху, вышел тоже диван. Пришел проводник и спросил билеты, и на собачку тоже билет. Хозяйка дала собачке билет в зубы и сказала:

– Инзол, дай проводнику билет. Ну, скорее!

Инзол поднял лапки и протянул мордочку с билетом. Проводник забоялся, но билет все-таки взял, а Инзол не укусил его и билет отдал. Проводник спросил:

– Он в цирке работает?

А хозяйка ответила:

– Нет, он в кино снимается.

А потом мама постелила белье, и мы легли спать.

Как ночью приехали на станцию

Вдруг я проснулся, оттого что внизу у нас, под полом, заскрипело. Поезд остановился. Наш вагон тряхнулся. У нас в купе темно, только синенькая лампочка чуть светит. А вагон еще раз тряхнулся и совсем остановился. Я испугался и закричал:

– Ой, колеса сошли! Мама, поезд по земле пошел!

Я так закричал, что все проснулись. Собачка зарычала. А дядя сверху говорит:

– Что ты, дурашка? Это станция. Сейчас посмотрим.

Слез сверху – и к окну, а на окне темная занавеска, и ничего не видно. Он ее снизу подергал, и она убежала вверх. А за окном свет, фонари. Люди бегают, и у нас в коридоре тоже затопали. Мама мне говорит:

– Фу, какой ты скандальный!

А дядя говорит:

– Это станция. Большая станция. Это Бологое.

Мама меня к окну не пустила, а собачка влезла и стала смотреть. Я стал дядю спрашивать, что там видно, но мама сунула мне яблоко и говорит:

– Ешь и молчи.

Яблоко было страшно кислое, и я заснул.

Как мы в вагоне умывались

Когда я утром проснулся, все уже встали. Мама меня одела, взяла мыло и полотенце и говорит:

– Пойдем мыться!

А поезд шел со всей силы, и нас шатало так, что даже смешно. Как будто это нарочно. А это потому, что скорость большая. Мы прошли в самый конец по коридорчику, а там дверка и маленькая комнатка – уборная. И умывальник там есть. Большой, как корыто. А над ним кран, и никакой ручки. Надо снизу нажать на кнопку, тогда из крана польется вода, сразу сильно-сильно. Только высоко. Мама меня держала, и я умылся. А перед умывальником, на стенке, – зеркало, и видно, когда моешься. В это время поезд стал останавливаться, и кто-то постучал к нам в дверь и сказал:

– Кончайте, граждане. На остановках пользоваться уборной нельзя.

Мама открыла дверь и говорит:

– А мы уже и кончили.

Как автомобиль хотел обогнать наш поезд

Внизу, рядом с нами, шли все время два рельса. И дядя сказал, что по ним тоже поезда ходят. Я смотрел на рельсы, и вдруг что-то страшно зафырчало, загремело, и у нас темно стало. Я со страху не успел заплакать, а в окне что-то замелькало, и мне сразу показалось, что на нас налетела страшная машина.

Дядя меня схватил и говорит:

– Не бойся. Это встречный поезд.

Я не успел испугаться, как опять стало светло, а поезд мимо прошел. Это он по тем рельсам пробежал, что рядом с нами.

В окно видно было поле, а дальше – деревья. И совсем близко – дорога, а по дороге бежал автомобиль. Мы скорей, и он скорей. Поезд еще скорей, а автомобиль тоже. А потом даже стал обгонять. И мне уже в окно его не стало видно, куда он убежал.

Я спросил:

– Почему?

А сосед ответил:

– Он хочет нас обогнать, чтобы успеть через нашу дорогу переехать.

А потом закричал:

– Смотри, смотри!

И я увидел домик, а потом дорогу – прямо через наш путь. И дорога палкой перегорожена, очень большой, через всю дорогу. А за ней стоит автомобиль и ждет. А перед палкой стоит человек – стрелочник, руку вперед вытянул и держит желтую палочку.

Я закричал:

– Почему? Почему?

Что значит желтый флаг

Наш сосед автомобилю рукой помахал и закричал:

– Не успели, не успели! Вот видишь: автомобиль хотел свернуть и переехать через наш путь. А шлагбаум ему перегородил дорогу, чтобы он не смог поехать через рельсы, и поезд на него не наскочил и не раздавил.

Я спросил:

– А почему стрелочник желтую палочку держит?

– Это не палочка, а флаг, только он его смотал. Если флаг смотан – это значит, поезд может идти полным ходом. А если флаг распущен, болтается, надо ход замедлить.

А я все смотрел вперед и опять увидел будку, и там уже не мужчина стоял, а женщина и тоже флаг держала, и опять замотанный. А потом я вдруг увидел: стоит какой-то человек, держит флаг, а тот болтается. И мы поехали очень тихо.

Как переехали через реку

Потом я увидел военного с ружьем. Потом еще одного, тоже с ружьем. И вдруг перед окном – решетка из очень толстых рельсов. А за решеткой внизу – вода и лодки плавают. Мама вскочила и спрашивает:

– Это что, мост? Мост? Это мы через реку едем? Ах, как интересно.

А я сказал маме:

– А ты флаг не видела!

Внизу на лодке плыли мальчики и махали нам руками. Я помахал, и сосед тоже. А я все-таки повторил маме:

– Ты не видела, а флаг болтался. Оттого мы и поехали тихо.

А потом, когда мы немного проехали, мама сказала:

– Смотри, речку-то как видно! А вон и мост. А мост как ящик. Только весь из решеток и через речку лежит – с одного берега на другой. Решетки железные, страшно толстые. А с концов он не закрыт. Поезд с одного боку вбегает, а с другого выбегает – и вот уже на другом берегу.

Как нас светофор не пустил

Тут вдруг поезд начал останавливаться. Потом совсем остановился и засвистел. В вагоне все заходили, выскочили в коридор, и все говорят:

– Что случилось? Что такое?

И все пошли по коридору к дверям. Мама тоже вскочила и тоже говорит:

– Не знаете, что случилось?

Я посмотрел в окно: из вагона люди выскочили, все глядят вперед и пальцами показывают куда-то. Наш сосед инженер тоже вышел из вагона, стал у нас под самым окошком и папироску закурил. Мама стала стучать в окно и рукой махать и позвала его. Он подошел.

Мама спрашивает:

– Что, что там?

– Не волнуйтесь. Просто светофор закрыт.

Мама говорит:

– Страшно все-таки. Наверно, что-нибудь случилось.

А инженер вдруг как рассердится и закричит:

– Что страшного? Светофор – это столб такой. А наверху фонарь. Если горит красный свет – значит ехать нельзя. Или может на столбе такая доска приделана – тогда это семафором называется. Если доска поперек стоит, тоже нельзя ехать. Путь закрыт. А когда она поднята – проезжайте, пожалуйста. Мы стоим, потому что на станции места нет. Там другой поезд стоит. Нам придется подождать.

– А почему поезд свистит? – говорит мама. – Может быть, опасно?

– А машинист требует, чтобы нас скорее пустили.

Как один пассажир остался

Потом поезд двинулся. Тихонько-тихонько. И все стали влезать в вагоны. А один пассажир не успел. Бежит, кричит. А поезд все быстрее. Вдруг кто-то в тоненький свисток засвистел, как милиционер:

– Трю-у! Трю-трю!

Поезд свистнул и остановился. Потом все смотрели, как отставший нас догоняет, и кричали:

– Скорей! Скорей!

А потом этот человек, красный весь, к нам пришел. Очень бежал! И говорит:

– Это начальник поезда дал свисток, чтобы остановили, а то бы я остался.

Мама мне говорит:

– Вот видишь! Вот видишь!

А я вовсе никуда не выходил.

Потом я увидел светофор. Он стоял рядом с нашей дорогой. Очень высокий. И уже горел зеленый свет. Это значит – можно проезжать, и мы приехали на станцию.

Какие вагоны всякие бывают

И мы проезжали мимо красных вагонов. Они без окон. Только два маленьких окошечка под крышей.

А посередине вагона – большие двери, как ворота. Эти вагоны не для людей, а для ящиков и для всяких мешков. Это товарные вагоны. Так инженер сказал. А потом совсем смешные были. Колеса, как у вагона, а наверху лежит боком большущий бидон, как длинная бочка. Туда бензин наливают и возят.

Я сказал, что это бочки, а инженер назвал их цистерны.

Я спросил: почему?

А он говорит: потому что так называются, вот и все.

А я все шепотом говорил:

– Нет – бочки, нет – бочки!..

И вдруг пассажирка, которая с собачкой, воскликнула:

– Ой, надо собираться! Сейчас Москва.

Мы приехали

Мама стала наши подушки складывать. Инженер – доставать чемодан. Все начали толкаться. Меня совсем в коридор вытолкнули. А в коридоре уже все стоят в пальто, в шапках, с чемоданами в руках. Вдруг стало темно, как вечером. Поезд остановился.

Мама закричала:

– Алешка! Какой несносный! Где ты? Опять потеряешься! – и схватила меня за руку.

Все двинулись по коридору. Потом прибежали носильщики. Такие, как у нас дома, на вокзале, в форме. И мы вышли на платформу.

Как я увидел машиниста

Мы с мамой шли тихо, потому что людей было очень много. Они все из нашего поезда вышли. Мне ничего не было видно. А потом дошли до электровоза. А из кабины, из окна, смотрел машинист. Когда мы подошли совсем близко, я стал махать ему рукой, чтобы он увидел. Но он не видел, потому что я маленький. Тут все остановились, и нас с мамой совсем затолкали. К самому поезду. Туда, где машинист.

Я со всей силы крикнул:

– Дядя машинист!

Он посмотрел вниз и увидел меня. Я стал махать рукой и закричал:

– Это я потерялся! Это про меня радио кричало!

А машинист засмеялся и тоже мне рукой помахал.

Зоопарк

Как мы ездили в зоопарк

...Мама сказала, что мы сейчас поедem смотреть диких зверей. А я спросил:

– А они нас не заедят?

Все кругом засмеялись, и одна тетя незнакомая сказала:

– Они в клетках сидят, в железных. Они не могут выскочить. Там есть маленькие лошадки. Попроси маму, она тебя покатает.

Как мы в зоопарк приехали

Нам в зоопарк на троллейбусе не очень долго нужно было ехать, поэтому мы пошли вперед, чтобы выходить. И все нас спрашивали:

– Вы у зоопарка выходите?

Это потому, что они тоже хотели выходить. А если ты не выходишь, надо выходящих вперед пропустить. В троллейбусе очень много народу было. А когда нам надо было выйти, нас тоже пропустили. Один дядя даже предложил:

– Давайте, гражданка, я вам мальчика вынесу.

И он меня вынес. Мама сказала «спасибо» и взяла меня за руку. И мы пошли в зоопарк. Там стенка. И на стенке стоят звери. Только они не живые, а специально сделанные. И надо брать билет, как на поезд. В стенке окошечки, и из окошечка дают билеты.

А потом надо идти в ворота. А там дальше зоопарк.

Пеликан

Мама стала всех спрашивать:

– Где слоны? Где слоны?

А я спросил маму:

– Почему слоны?

Мама сказала:

– Вот увидишь, какие слоны. Идем скорей.

А там была вода. Прямо целый пруд. В воде плавали птицы. А по берегу ходила одна птица. На маленьких ножках и очень толстая. У нее клюв очень большой. И под клювом кожа висит, как мешок.

Я закричал:

– Ой, кто это? Кто это?

А один мальчик мимо проходил и сказал:

– Это пеликан. Он клювом рыбу ловит и в этот мешок под клювом складывает. А потом ест.

Я маму спросил:

– Правда, пеликан?

Мама ответила:

– Правда, правда! Идем.

Орёл

А потом я не захотел идти дальше, потому что мама шла очень быстро и потому что я за решеткой увидел очень большую птицу.

И стал кричать:

– Мама, вон какая птица!

И стал показывать на нее. У нее на клюве, на конце, – крючок. А на лапах – очень острые когти. Она коричневая и немного черная. И я тянул маму, чтобы к ней идти. Мы совсем близко подошли.

Эта птица сидела на большом камне и в лапах держала сырое мясо. Она клювом отрывала кусочки, а потом на всех глядела и ела мясо. Она очень сердито глядела.

И все говорили, что это орел. И что это самая главная птица. Потому что она всякую птицу может победить и заклевать. И что она маленького барашка может унести и даже маленького мальчика унесет. И две такие птицы могут даже большого человека забить. Они только сырое мясо и едят. Они хлеб не станут есть.

Они очень высоко летают и сверху смотрят, кого им заклевать. И всяких птичек хватают, и зайчиков тоже. А этот мальчик, который раньше нам встретился, там тоже стоял, и он про орла много рассказывал.

Он сказал, что про всех зверей знает, потому что он в зоопарке учится. Их много, таких мальчиков и девочек. Они за зверями тоже смотрят. И они про зверей все знают.

А мама его спросила:

– Ты, наверное, в школе учишься, а не в зоопарке?

А он ответил, что в школе тоже учится, а здесь за зверями помогает ухаживать.

Дикобраз

Вдруг я услышал, как один дядя закричал:

– Вон он, дикобраз! Вон, вон, гляди!

Я сказал немножко громко:

– Мама, вон кричат «дикобраз». Хочу дикобраза!

А мама рассердилась:

– Это вот про тебя и кричат. Ты скандалишь, ты и есть дикобраз-безобраз.

– Да нет, – возразил я. – Все туда смотрят, в клетку. Пойдем!

А потом стал просить:

– Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста!

И мы пошли к этой клетке.

И вовсе не про меня дядя говорил, что я – дикобраз, а там, в клетке, сидел дикобраз. Из него растут, прямо как прутья, такие иголки. Они острые. Его ни за что нельзя погладить.

А впереди у него мордочка. И носик кругленький. А на мордочке иголок нет, а волосики.

Мама на дощечке про него прочитала. Мама сказала, что он живет в жарких странах.

У него там, в клетке, был домик, и там, в домике, другой дикобраз лежал.

А потом дядя, который кричал про дикобраза, говорил, что эти колючки очень могут колоть.

Он сказал, что однажды видел дикобраза. Он хотел его поймать. А дикобраз побежал скорей к ямке и совсем голову в ямку спрятал. А колючки все на дядю выставил, и его никак взять дядя не мог, потому что колючки очень острые и они во все стороны торчат.

А когда мы с мамой на дикобраза смотрели, он колючек не выставлял, а их все назад держал.

Он совсем небольшой, как маленькая собачка. У него мордочка очень добрая.

Я маму спросил:

– Мама, дикобраз хороший?

Мама ответила:

– Ну, вот сам видишь какой.

А я сказал:

– Хороший, хороший!

Мама предложила скорее идти к слонам, и мы пошли.

Как я катался на маленькой лошадке

Мама опять стала всех спрашивать:

– Где слоны?

Нам сказали, чтобы мы дальше шли. А дальше был заборчик, а за заборчиком бегала маленькая лошадка. Она совсем маленькая. Это детская лошадка. Эта лошадка возила повозочку. Повозочка тоже маленькая. И в повозке сидели две девочки маленькие и еще мальчик, немножко побольше. Мальчик вожжи держал и правил. Я стал радоваться, в ладоши хлопать и кричать:

– Ай, ай, какая лошадка!

И я кричал, что хочу на этой лошадке ехать. А потом еще пробежала лошадка, тоже с повозочкой. Только у этой лошадки уши были очень длинные.

Я стал кричать:

– Какая смешная!

Мама сказала, что это я смешной. Потому что это не лошадка, а ослик. У них всегда уши длинные. И хвост у них не из волос, а как веревка, только на конце кисточка из волос.

И ослик, и лошадка бегали кругом за заборчиком. И возили мальчиков и девочек.

А у лошадки и у ослика еще колокольчики были прицеплены, Лошадка бежала и звонила.

Я стал маму просить, чтобы разрешила мне покататься непременно на этой лошадке.

Мама сказала:

– Я не знаю. Может быть, не пустят.

А тут один дядя стоял. Он сказал:

– Это для всех детей. Надо купить билет.

И добавил:

– Идемте, идемте. Я вас провожу. И даже взял меня за руку.

Мы пришли туда, где можно к лошадкам пройти. И там стоял дядя, и он билеты продавал. И там же стоял этот ослик. И дядя, который билеты продавал, предложил:

– Ну, давай я тебя посажу.

А я ответил:

– Не надо меня сажать. Я на ослике не хочу. Я хочу на маленькой лошадке.

– Ну, тогда жди, – сказал он.

А лошадка мимо нас проехала и опять поехала по кругу. Потому что те девочки еще катались.

Я смотрел, как лошадка ножками бежит. Она прямо как игрушечная. И головка у нее тоже маленькая.

Пусть папа мне такую подарит, я ее очень любить буду. Я бы с ней вместе спал, и она бы по комнате у меня ходила. Я бы ее гладил. Я бы ей все есть давал. Я бы ее целовал. Я бы на нее верхом сел и поехал бы с саблей. Тогда бы все мальчики боялись меня.

Я все смотрел на лошадку, как она к нам подбегала. А когда она до нас добежала, мальчик, который правил, сказал лошадке «тпру», и она остановилась. Девочки стали вылезать, а мне мама сказала, чтобы я садился.

Но я сказал, что хочу сначала погладить лошадку.

Она была как раз с меня ростом. И я ее по спине погладил. А она головой стала трясти. И я ей немножко шею погладил. А мальчик, который правил, мне крикнул:

– Не бойся, она не кусает!

И я лошадке мордочку погладил.

Мама сказала, что у нее была собака больше, чем эта лошадка.

А дядя, который билеты продавал, сказал, что это пони и что он, хоть такой маленький, все равно очень сильный и ему уже много лет.

Потом дядя посадил меня в повозку на скамеечку. А напротив посадил одну девочку. И мама мне все говорила, чтобы я держался.

Мы поехали, лошадка затопала, колокольчики зазвонили. А эта девочка так обрадовалась, что закричала очень тоненько. И я тоже закричал, потому что это очень хорошо – как мы поехали. И все на нас из-за заборчика смотрели. И как девочка кричит, смотрели.

И мы проехали мимо мамы, и я ей рукой помахал. Она мне кричала:

– Держись, Алеша! Держись!

А мальчик, который правил, сказал:

– Он и большого человека везти может. Он очень сильный.

И что это ничего, что он как собака ростом. И мы еще раз мимо мамы проехали. А девочка не стала кричать, а взяла меня за руку, и мы стали руки качать и говорить:

– И! И! И!

И мы опять приехали к моей маме, и к девочкиной маме, и где этот человек с билетами. И нас с повозки сняли. Я еще хотел лошадку погладить, но мама сказала, что надо идти дальше.

Мишки

И мы пошли. А я вдруг увидел опять решетку. Очень большую и очень высокую. Там стояло дерево, только без листьев, и на нем живые мишки.

И я закричал:

– Мама, мишки!

Мама сказала:

– Потом.

А я сказал:

– Не потом! Не потом!

И стал маму тянуть, где мишки, и стал кричать:

– Мама, пойдем! Мама, пойдем!

И все стали на нас глядеть. Мама опять рассердилась:

– Фу, какой скандальный.

И сказала, что так мы никогда до слонов не дойдем. Но все-таки пошла со мной туда, где медведики. Они были маленькие, как собачки, потому что они еще дети.

Они лазили по дереву, которое у них стояло, а на дереве играли и кусались. Только не сильно кусались, а понарошку. И один хотел другого вниз стянуть. Он его лапой хватал за ногу. А на лапах у них когти, черные и длинные. А сами мишки коричневые, совсем как мой мишка.

Они очень быстро лазят по дереву. А когтями прямо как кошки цепляются.

А потом я увидел там еще двух мишек. Они тоже хотели на дерево залезть, но те мишки их не пускали и очень смешно кусались. И все смеялись. И мама тоже смеялась.

А один мишка побежал, и я стал смотреть, куда он побежал. А там были две серенькие обезьянки. Они совсем, как человечки. Только на них серая шерсть, как на кошках. А на лице шерсти нету. И на ушках тоже. Только лица у них, как у старушек.

Мишка к ним побежал, чтобы их лапой достать. А они вскочили на решетку и полезли вверх.

Они ручками и ножками хватались за решетку – у них на ножках пальчики, как на руках. Они в кулак их могут зажать. И все, что захотят, они ногой могут хватать. Потому им так ловко лазить: как на четырех руках.

Мишка потянулся по решетке и не мог достать.

А я испугался, что он за ними полезет и их закусает. Он по той решетке не мог полезть, потому что тоненькая, и полез по толстой. Очень хорошо полез. Он тоже и руками и ногами лез. И потом вбок лез. Только он так скоро не может, как обезьянки.

Я все думал, что обезьянки, может быть, человечки, и сказал маме:

– Они, может быть, немножко человечки?

А мама сказала:

– Не говори глупостей! Это просто мартышки.

И потом вдруг туда пришел тот самый мальчик, который нам про орла рассказывал. И все мишки к нему побежали.

Я хотел еще на мишек смотреть, но мама сказала:

– Ну, идем к слонам. Так мы никогда не дойдем.

Зебра

Мама пошла очень быстро. И вдруг сама остановилась и сказала:

– Ах, какая!

За решеткой была лошадь. И я подумал, что на нее одеяло нашито. Потому что на ней черные полосы. А мама объяснила, что никакого это не одеяло, а просто у нее шерсть так растет. И сказала, что это зебра.

И еще сказала:

– Надо бы им дать поесть!

Их там две было. А они вовсе не хотели есть. Они даже на нас не смотрели. А я на них смотрел, потому что они очень красивые. А волосы на шее у них стоят, как щетка.

А мама вдруг вспомнила:

– Ах да! Слоны!

Как мы завтракали

Только мама забыла, куда идти. Тут была скамейка. И мама вдруг села и спросила:

– Ты не устал?

Потом добавила:

– Что это ты бледный такой? Ты, может, есть хочешь?

Я сказал, что хочу. И мама стала всех спрашивать, где буфет. И нам показали, куда идти. Мы очень недолго шли и увидели веранду, где стояли столики и стулья. И пошли на эту веранду. На ней сидели люди, ели и пили чай.

Мы с мамой тоже сели за столик. Пришла тетя в белом фартуке, и мама попросила:

– Дайте ребенку, пожалуйста, стакан молока и, если можно, яичницу. Мне – сосиски.

Я сказал, что мне тоже лучше сосиски. Но мама потребовала, чтобы я не капризничал. И мне принесли молока и яичницу. И еще мама заказала булочки. Я ел и слышал, как звенят колокольчики, потому что лошадка все бегала и катала детей. А я уже катался и знаю.

А потом около нас сели две тети и сказали, чтобы им дали мороженое. А я стал маму тихонько просить, чтобы купила и мне мороженое. Но мама ответила, что у меня живот будет болеть. А я сказал, что не будет, не будет. И стал снова просить и хотел заплакать. Мама огорчилась:

– Фу, какой! Я с тобой больше никуда не пойду.

И сказала тете в фартуке, чтобы она принесла мне мороженое. И мне дали. Маме тоже дали мороженое. Я все свое съел. А мама все мяла ложечкой, и у нее мороженое растаяло.

Затем она заплатила деньги и сказала:

– Ну, пойдем домой. С тобой прямо невозможно.

Как мы опять в зоопарк пошли

А у меня немножко живот болел. Только я маме ничего не сказал, потому что я боялся, что мама не возьмет меня в зоопарк еще раз.

Мама говорила:

– Вот видишь, как с тобой! Так слонов и не увидели.

А я сказал:

– А мы еще пойдем.

Мама возразила:

– С таким скандальным мальчиком я не хочу никуда ходить.

И пошла в ванну, стала наливать воду.

А когда я ложился спать, я попросил маму, чтобы она дала мне мишку.

И стал с мишкой ходить по постели, как те мишки в зоопарке. И хотел, чтобы он тоже лазил.

А мама сказала:

– Теперь спать не будешь! Тебе нельзя в зоопарк ходить.

Я мишку спрятал под одеяло и потихоньку с ним кусался. А потом заснул.

А когда я проснулся и пил чай, мама вдруг сказала:

– Не копайся! Кончай скорей. Мы сейчас едем.

И стала надевать шляпу, и мы очень скоро пошли. И снова поехали в зоопарк.

А в зоопарке мама взяла меня за руку и сказала:

– Если ты будешь скандалить, я моментально вернусь назад. Так и знай.

И мы пошли очень быстро. Я даже бежал, еле успевал за мамой.

И наконец мы пришли туда, где слоны.

Слоны

Я увидел, что земля поднимается немножко вверх. И там стоит очень большой слон.

Он был такой большой, и я подумал, что не может быть, что он живой. Потому что, чтобы ему на спину залезть, надо подниматься по лестнице. Он сначала ничего не делал, так что я решил, что точно, неживой. Но оказалось, что он живой, потому что стал хоботом крутить.

Хобот у него из головы идет и до самой земли доходит. И он хоботом как угодно может крутить. И даже крючком его загибать.

Он набирал в хобот с земли пыль, а потом всю пыль выдувал себе на спину. И живот тоже обдувал пылью.

Я все спрашивал:

– Почему?

А мне сказали, что это он для того, чтоб его никакие блохи не кусали. У него волос нет, а только толстая кожа, И вся кожа в складках. А на голове у него большие уши. Уши такие большие, прямо во всю голову. И он ими трясет и хлопает. А глазки совсем маленькие.

И все говорили, что он сильный и может хоботом автомобиль перевернуть. А если очень рассердится, ему ничего не стоит человека убить. Он может хоботом человека за ногу схватить и о землю хлопнуть. Только он очень добрый.

А слон стоял, стоял да вдруг пошел к нам. Он вниз к нам пошел. И я немножко испугался. Вдруг он к нам придет и начнет нас всех хоботом убивать. А на ногах пальцы, но их не видно, а только одни ногти очень коротенькие. И я подумал, что у него как будто копытца маленькие торчат из ноги. Он такой ногой может кого угодно стоптать. И я стал бояться. И сказал маме тихонько:

– Я боюсь. Что он сюда идет?

А один дядя услышал, как я говорю, и засмеялся:

– Он боится, что слон на нас идет! Ха-ха-ха!

И все стали показывать на дорожку. А она каменная. И вся в огромных гвоздях. А гвозди остриемверху стоят. Слон через эту дорожку перейти не может, так как ноги исколет. И он до нас не дойдет.

Как слон купался

Меня поставили на заборчик, чтобы я посмотрел, как сделана эта дорожка. И я увидел, что там внизу, за этой дорожкой, есть вода. И слон пошел прямо к этой воде. Я думал, что он пить хочет, а он не пить. Он купаться хотел. Он в эту воду вошел, так что только голова одна наверху была. И спина немножко.

А потом он стал хоботом набирать воду и выливать ее себе на спину. Прямо как пожарные из шланга пожар заливают.

И тут я увидел, что еще один слон купаться идет. Только он меньше первого. И мне сказали, что он еще мальчик. И у него рядом с хоботом два белых зуба вперед торчат. Я удивился:

– Ай, зубы какие!

А все стали смеяться и мне говорить:

– Это клыки! Клыки!

А я спросил:

– А почему у большого нет?

Никто ничего не ответил, только один дядя сказал, что тот слон – мама. «Вот у твоей мамы усов нет, так и у той слонихи клыков нет». У слоних клыков не бывает. А эта слониха набрала воды в хобот да как дунет на нас водой! Все быстро разбежались. И очень смеялись, и я тоже смеялся.

Как слон пьет

Потом прибежал дядя, который за слонами смотрит. Слониха прямо в него водой брызнула, а дядя на нее закричал:

– Не балуй!

А потом маленький слон вышел из воды и пошел наверх. А там было большое корыто. А в этом корыте тоже была вода. Он стал набирать воду в хобот, а потом хобот в рот загибал и туда эту воду выдувал. Он так много раз сделал. И тогда напился.

Это его водой так поят. Ему в это корыто воду наливают. А я спросил, что ему есть дают. И все сказали, что он ест сено, картошку, морковку, сахар. А мяса он не ест. И он очень смиренный.

А мама сказала:

– Смирный, смирный, а мне все платье забрызгал!

Она взяла меня за руку и повела. И все повторяла:

– Надо, чтобы платье просохло. Я не хочу выглядеть как чучело. Сядем тут, на солнце.

Мама села на скамейку и велела мне тоже сесть и не пылить, потому что к мокрому платью пыль прилипает.

Какой мальчик Петя

И вдруг подошел мальчик и сказал:

– Здравствуйте!

А это – тот мальчик, который про птицу орла рассказывал. Я тоже сказал:

– Здравствуй!

Мальчик спросил:

– Что, устали?

А я сказал, что не устали, а что это мама платье сушит.

Мальчик спросил маму:

– Можно, я с ним пойду, ему обезьян покажу?

А мама спрашивает:

– Как же я пушу с тобой ребенка? Ведь я тебя совсем не знаю.

А мальчик отвечает:

– Меня все здесь знают. Я – Петя.

Я сказал:

– Мама, он – Петя.

Мама возразила:

– Посиди немножко, потом все вместе пойдем.

Какие слоны умные

А Петя взял и сел ко мне на скамейку.

Он сказал, что слоны не нарочно маму обрызгали. Это они так играют: водой на всех брызгают. Слоны умные. Их учат, и они всякую работу делают: и бревна таскают, и землю пашут, и воду носят. Они даже гулять с детьми вместо няньки ходят.

На слонах даже на охоту ездят. Сядут охотники слону на спину с ружьями, слон их и везет. А они сверху в самых диких зверей стреляют. Даже в тигров стреляют.

А тигр очень страшный. И его здесь, в зоопарке, тоже можно посмотреть.